

DOI 10.15826/izv2.2023.25.4.064

УДК 821.162.1-1/-9 + 2-265.3 + 398.2 +
+ 130.2 + 821.162.1-313.2 Червинский**И. Е. Адельгейм***Институт славяноведения РАН*
Москва, Россия**АНТИУТОПИЯ П. ЧЕРВИНСКОГО «МЕЖДУНАРОД»
В КОНТЕКСТЕ МОЛОДОЙ ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЫ НАЧАЛА XXI в.**

Статья посвящена анализу романа «Международ» (2011), принадлежащего перу представителя так называемого поколения «пост-ПНР» Петра Червинского, а также характеризует мировосприятие этой генерации в целом и его причины. Смена строя сделала прагматически невостребованной романтику общественного сопротивления, бывшую до сих пор одной из важнейших основ польской ментальности и культуры. Этот не раз подтверждавший свою реальную эффективность инструмент национальной консолидации, утратив очевидную область применения, обратился в орудие насилия, поскольку романтические мифы продолжают присутствовать в польском общественном сознании и подсознании и активно используются властью. Тупик между двумя дискурсами — новым и старым, глобального потребительства и героической мартирологии — привел к массово выражаемым молодыми писателями чувству безысходности, страха, собственной ущербности. Текст Червинского рассматривается с перспективы жанров утопии, антиутопии и постантиутопии. Цель исследования — анализ и выявление сверхзадачи иронического переосмысления Червинским внелитературного контекста, доведения им до абсурда слитых воедино идей (сверх)польскости и (сверх)потребительства. В первую очередь роман отсылает к специфике польской ментальности и лишь во вторую оказывается предостережением для любой националистической «акцентуации» общества. Уделяется внимание также языковому аспекту алармизма романа: проза поколения «пост-ПНР», ярким примером которой является анализируемый роман, — реакция и на неудовлетворенность польской реальностью, и на неадекватность этому опыту функционирующих в обществе дискурсов. В результате автор статьи приходит к выводу, что порождение и переживание комического сознания становится для Червинского, как и для других молодых прозаиков этого времени, лишь частично освобождающим опытом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: польская литература; польский этос; национальные комплексы; сверхпотребительство; когнитивная травма; антиутопический жанр; ирония; комическое сознание; алармизм; социальный жанр

Ц и т и р о в а н и е: *Адельгейм И. Е.* Антиутопия П. Червинского «Международ» в контексте молодой польской прозы начала XXI в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2023. Т. 25, № 4. С. 119–135. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.064>

*Поступила в редакцию: 18.06.2023**Принята к печати: 24.10.2023*

Irina Ye. Adelgeim

*Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

**P. CZERWIŃSKI'S DYSTOPIA *INTERNATIONAL*
IN THE CONTEXT OF THE YOUNG POLISH PROSE
OF THE EARLY 21st CENTURY**

This article analyses the novel *International* (2011) by Piotr Czerwiński, a representative of the so-called “post-PRL” generation and describes the worldview of this generation as a whole and its reasons. The change of the system rendered the romanticism of social resistance, which had been one of the most important pillars of Polish mentality and culture, pragmatically unclaimed. This tool of national consolidation, which had repeatedly proved its real effectiveness, lost its obvious field of application, and turned into an instrument of violence, because romantic myths continue to be present in Polish public consciousness and the subconscious, and are actively used by the authorities. The deadlock between the two discourses – the new and the old, global consumerism and heroic martyrology – has led to a massively expressed sense of hopelessness, fear, and their own inferiority by young writers. Czerwiński's text is considered from the perspective of the genres of utopia, dystopia, and post-dystopia. The aim of the study is to analyse and identify the supertask of Czerwiński's ironic reinterpretation of the extra-literary context, to bring to absurdity the merged ideas of (super)Polishness and (super)consumerism. First of all, the novel refers to the specificity of the Polish mentality and only secondly is a warning for any nationalist “accentuation” of society. Attention is also paid to the linguistic aspect of the alarmism of the novel: the prose of the “post-PRL” generation, of which the analysed novel is a vivid example, is a reaction both to the dissatisfaction with Polish reality and to the inadequacy of the language functioning in society to this experience. As a result, the author concludes that for Czerwiński, as for other young prose writers of this time, the generation and experience of comic consciousness becomes only partially a liberating experience.

Key words: Polish literature; Polish ethos; national complexes; overconsumption; cognitive trauma; dystopian genre; irony; comic consciousness; alarmism; social genre

For citation: Adelgeim, I. Ye. (2023). Antiutopia P. Chervin'skogo “Mezhdunarod” v kontekste molodoi pol'skoi prozy nachala XXI v. [P. Czerwiński's *Dystopia International* in the Context of the Young Polish Prose of the Early 21st Century]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(4), 119–135. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.064>

Submitted: 18.06.2023

Accepted: 24.10.2023

Петр Червиньский (род. 1972) принадлежит к поколению «пост-ПНР», неслучайно названному «покалеченным» [Pasterska, s. 387]. Время, важнейшее для формирования личности, пришлось для этих писателей на период распада привычных форм, что привело к ощущению «бездомности в Истории» [Bielik-Robson, s. 401] и размытой идентичности. Смена строя повлекла за собой

прагматическую не востребованность романтики общественного сопротивления, закрепившейся как основа польской ментальности и культуры (трагический исторический опыт породил спасительный в условиях несвободы — во многом компенсаторный и терапевтический — комплекс героически-романтических ценностей, объединяющих нацию). С утратой очевидной области и очевидной необходимости применения эффективный инструмент национальной консолидации сам превратился в инструмент насилия. В результате польский большой нарратив воспринимается молодыми авторами как обременительный фантазм, требующий ритуалов безусловного обожествления («Польский патриотизм заключается, в сущности, в культе патриотизма...» [Bylejakie spory, s. 21]), автокоммуникация и внешняя коммуникация приходят в состояние конфликта, порождая когнитивную травму [Кукулин]. Свидетельство тому — пугающе однородный (но тем более убедительный с точки зрения психологической мотивации) массив молодой прозы начала XXI в. — произведений Петра Червиньского, Кшиштофа Варги, Игнация Карповича, Дороты Масловской, Мариуша Сеневица, Славомира Схуты, Давида Беньковского, Лукаша Орбитовского, Кшиштофа Беськи, Мирослава Нахача, Игоря Остаховича, Сильвии Хутник, Михала Витковского, Радослава Коберского, Ярослава Маслянека, Томаша Пёнтека, Петра Сливиньского, Марты Дзидо, Камиля М. Смялковского и др.

«Сумерки романтической парадигмы» [Янион] отнюдь не означали ее конец. Более того, по остроумному замечанию Л. Яниона, в сумерках-то как раз и рождаются призраки [Там же]. «Террор романтических мифов» [Там же] принял форму «амока», «транса», «сна», подпитываемого «колоссально растиражированной исторической политикой» и «массово заражающего» общество [Rozum w Polsce wysiada]. Тупик между двумя дискурсами — новым, глобального потребительства, и традиционным, связанным с национальным этосом и героической мартирологией, — привел к депрессии, страху, чувству ущербности и ощущению неаутентичности окружающего мира.

Оставшийся невостребованным и не подкрепленным реальным опытом «полный ассортимент национального этоса» воспринимается молодыми писателями как голая «риторика», которой можно разве что «захлебнуться»¹ [Sieniewicz, 2003, s. 127], как «намордник» [Gosk, s. 113], как источник «бело-красной депрессии» [Shuty, s. 155]. Повествователи и герои одержимы желанием сбросить «бремя трупов» [Karpowicz, 2006, s. 128]. «Малютка» (2009) С. Хутник заканчивается иронической аллюзией на программный текст А. Мицкевича — парфразом «Большой импровизации», в котором героиня обвиняет «польские семьи и польские пейзажи», «всосавшее» ее прошлое этой страны, «с его войнами, восстаниями, ссылками и возвращениями», «неизбывными обидами», призывает освободиться от «этой бело-красной страны», избавить тело «от болезненных наростов, не моих, не наших, не нашего поколения» [Chutnik, s. 145, 160].

¹ Перевод с польского языка цитат из художественных произведений сделан автором данной статьи.

«Почему я должен играть в этом идиотском фильме? — вторит ей повествователь «Поругания» (2005) П. Червиньского. — За какие грехи должен страдать от гребаной кровавой истории этой страны? Этого вонючего китча, великой тысячелетней войны?» [Czerwiński, 2005, s. 58]. «Я не желаю быть Оплотом христианства, не желаю быть Броней, защищающей от коммунизма, не желаю быть воплощением Мужества во время обреченного на провал Варшавского восстания; мне бы чего-нибудь попроще — обычный гражданин обычной страны, без исторических комплексов, без мании величия. <...> Не хочу больше быть поляком — одного раза вполне достаточно. <...> Если реинкарнация возможна, то я бы не хотел снова родиться в провинциальной стране, разыгрывающей — без намека на талант, зато весьма вдохновенно — Мессию народов» [Karpowicz, 2008, s. 155], — признается герой романа И. Карповича «Жесты» (2008). Один из молодых персонажей «Бело-красного» (2007) Д. Беньковского устраивает в центре столицы протестный хэппенинг, оплетая бело-красной лентой столбы, дорожные знаки, канализационные люки, автомобили, образуя в результате лабиринт-паутину: «Мы хотели показать, как она не дает покоя, опутывает нас и оплетает, как всех нас сковывает, как мешает свободно жить» [Bieńkowski, s. 197].

Главным нервом и сверхзадачей этой прозы оказывается деконструкция национального этоса, ощущаемого как полностью изношенный, окаменевший. Саркастически подается специфика польской ментальности в целом, нивелируется польский этос, культ самопожертвования на благо отчизны, идея поражения как моральной победы, жестко-иронически обыгрываются национальная мартирология, национальные святые — персоналии, исторические реалии и их мемориализация, национальная символика.

Если сравнить современное — анахроническое — бытование романтической парадигмы с невротическим расстройством, то художественные приемы, к которым прибегают молодые прозаики, являются действенным психотерапевтическим методом, «демонтирующим проблемные дискурсы путем их переосмысливания, обесценивания, оттеснения на бытийную периферию» [Смирнов]. Всевозможные комические манипуляции с дискурсом национального этоса (ирония, сарказм, черный юмор, доведение до абсурда, пародирование и коллажирование дискурсов, создание гротескных персонажей и ситуаций и пр.) отсылают также к другому психотерапевтическому методу — концепции иронично-парадоксальной провокационной психотерапии Фрэнка Фарелли, используемой для лечения депрессии и нервно-психических перенапряжений [Адельгейм, с. 508–545]. Суть ее заключается в формировании у пациента комического сознания, тесно связанного с защитно-приспособительными возможностями отдельной личности, группы и социума в целом, способного служить механизмом восстановления равновесия.

Связанное с проблемой польского этоса комическое в текстах молодых авторов носит самоуничижительный характер, заставляя вспомнить ироническую реплику М. Янион: «Блекнет романтический героизм — прекрасная

мечта социума о самом себе. Может, впрочем, это и есть наша главная беда. <...> Мы больше не можем любить себя согласно нашему идеалу, и никто уже нас не полюбит...» [Янион]. По наблюдениям психологов, именно такого рода ирония и сарказм характерны для депрессивных состояний, поскольку с их помощью происходит защитное отрицание части себя. Эти приемы обладают значительным психотерапевтическим потенциалом, способствуют отстранению от себя объекта, помогают защитить границы личности от насилия насаждаемого дискурса, сохранить самооценку. Это бунт, с одной стороны, позволяющий высвободить вытесненные переживания, с другой — дающий возможность парадоксальной интеграции идентичности.

Вторым «полюсом» современной жизни, вызывающим у молодых польских авторов ощущение безысходности и потребность в саркастическом акцентировании и дистанцировании, является, как уже говорилось, глобальная идеология потребительства. Вместе они нередко порождают развернутые фантазмагорические эпизоды. Введение в реалистическое повествование фантастических допущений, мистики и гротеска — максимально укрупняющих, деформирующих, доводящих до абсурда, острающих и отстрающих — представляется авторам наиболее действенным способом изображения повседневности постсоциалистической Польши: «Реализм изображения общественных язв имеет свои пределы. Этот деградировавший, дьявольский мир, этот реализм <...> требует магии и гротеска» [Nie będzie...].

Одним из самых ярких примеров подобных текстов является фантазмагорический роман Петра Червиньского с иронически отсылающим к истории Речи Посполитой названием «Международ» (2011).

По собственному определению автора, это «пародия на антиутопию» [Czerwiński, 2014, s. 44]. Антиутопия же, в свою очередь, является пародией на утопию или утопическую идею, «зазеркальем утопии» [Янг, с. 320], «перевернутой утопией» [Шестаков, 1990, с. 5], жанром, иронически переосмысливающим ценностные ориентации литературной утопии [Морсон]. По словам Е. Шацкого, антиутопический концепт отрицает определенную форму утопии, «имплицитно подразумевая ее чрезмерность» [Шацкий, с. 160–161].

Роман Червиньского сочетает в себе разные жанровые элементы (зачастую модифицированные). Во-первых, это черты гротескно-фантастической псевдоутопии: описание идеального мира (но только «для поляков»); (частичная) замкнутость «райского» пространства; наличие в системе персонажей уникального инженера-изобретателя.

Во-вторых, это признаки классической антиутопии [Юрьева, с. 73–76]: изменение мировосприятия героя от удовлетворенности мироустройством к разочарованию и бунту против существующего строя; наличие (на определенном этапе повествования) политических и экономических, т. е. обратимых катаклизмов; (национально ориентированный) тоталитаризм устройства общества; противопоставление «здесь» и «там»; конфликт верха и низа (с поправкой на идею сверхкомпенсации национальных комплексов); парадоксальное,

абсурдное порабощение человека избыточным благополучием; отрицание прошлого; противостояние общества и любви; красочность описаний природы, подчеркивающая аномальность происходящего; дневниковая (мемуарная) форма повествования; ритуализация жизни; псевдокарнавал. Можно увидеть и черты дистопии как разновидности антиутопии: абсолютизацию деструктивных тенденций в развитии современной цивилизации, футурологический сценарий возможной катастрофы, остановившееся время, катастрофу в предыстории.

В-третьих, повествовательная рамка романа включает в себя элементы постантиутопии. Е. В. Комовская определяет последнюю как «произведение литературы, устремленное к идеалам прошлого, с перевернутым фантастическим представлением действительности под влиянием различного рода катаклизмов, неподвластных человеку, в результате пространство больше не выхолащивает человеческое в человеке...» [Комовская]. К чертам постантиутопии в романе Червиньского относятся: воспоминания об идеальном мире после необратимого катаклизма; псевдокарнавал безучастности; отсутствие противостояния человека и государства, человека и режима, человека и социума.

Текстообразующей и жанрообразующей категорией является в антиутопической прозе ирония. Обладая функциями парадоксального означивания, присутствуя в явном и в скрытом виде, она становится «методом концептуализации действительности» [Клименко, с. 3], делая антиутопическое повествование идеальной моделью отрицания одного посредством утверждения другого и позволяя антиутопии быть жанром остросоциальным, отсылающим к парадоксально переосмысливаемому внелитературному контексту.

В романе Червиньского до абсурда доводятся слитые воедино идеи (сверх)польскости и (сверх)потребительства. «Международ» можно назвать антипотребительски-антишовинистской антиутопией. В отличие от ряда классических антиутопий XX в., прежде всего «Мы» Е. Замятина, в центре этой абсурдной модели мира в момент ее расцвета — восторг не конформистский, а консьюмеристски-националистический.

Действие в романе перенесено в далекое будущее, где, наконец, торжествует «историческая справедливость»: Польша, благодаря добыче урана, становится супердержавой, располагающейся на двух атоллах в Тихом океане. Эта Международная Республика Новой Польши (или, неофициально, 39-я Речь Посполитая Международов) населена темнокожими поляками, помыкающими иностранцами, которых нищета и безработица заставляют покидать родину и искать счастья на чужбине.

В «Международ» описывается «вожделенное» состояние нации, упоминавшееся в раннем романе Червиньского «Поругание». Если там поляки «мечтали о том, чтобы сходиться с ума от скуки, подобно американцам» [Czerwiński, 2005, s. 64], то здесь эта мечта наконец осуществляется в полной мере: «В Польше царило беспечно-болезненное благосостояние» [Czerwiński, 2011, s. 46]. Таким образом, в основе романа — пародия на утопическую идею (на что указывает также ироническая аллюзия на стеклянные дома, изображенные Стефаном

Жеромским в знаковом романе «Канун весны» (1924) в качестве вестников новой польской цивилизации, символа идеальной отчизны).

Значимо, что этот польский рай на земле — не реализация чьей-то идеи, не результат борьбы, он возник словно бы сам собой, как компенсация «свыше» всех прошлых исторических унижений и несчастий. Полякам, которые «распространившись по всему миру», мешали всем и «имели примерно такую же репутацию» [Czerwiński, 2011, s. 25], как два бесполезных атолла, последние и были подарены, однако затем там нашли уран — так начался фантастический (фантазмагорический) расцвет (Новой) Польши. Эта «компенсация» затрагивает даже внешность: «...польская раса считалась самой сексуальной в мире» [Ibid., s. 31]. Таким образом, в романе Червиньского можно увидеть аллюзию на О. Хаксли (новый прекрасный польский мир представляет собой социально-стабильное общество возведенного в культ сверхпотребления), однако орудием его создания послужил не столько научно-технический прогресс (который «застопорился в конце XXI века» [Ibid., s. 39]), сколько цепь обстоятельств (глобальный кризис, расцвет атомной энергетики, радиоактивное заражение территорий), сложившихся — наконец — в пользу Польши.

В лице новой польской нации Червиньский доводит до абсурда степень возможной деградации человечества. Невероятно красивые и невероятно богатые поляки отчаянно предаются безделью: «болезненный недостаток» приводит ко всеобщему «маразму и безделью», при котором единственным развлечением оказывается «интимная жизнь премьер-министра Новой Албании» [Ibid., s. 46]. Образование превращается в видимость, на самом деле даже грамоте учиться полякам необязательно: «Отменили даже дипломные работы, чтобы дать возможность получить высшее образование тем студентам, которые были неграмотны» [Ibid., s. 147]. Они и так, по праву рождения, получают все руководящие должности с гигантскими зарплатами: «...кто будет ходить в школу <...>, если у твоих стариков всегда есть деньги, у тебя всегда есть деньги, у твоих приятелей всегда есть деньги, а другие люди делают за вас абсолютно все. До чего же это была обалденная страна...» [Czerwiński, 2011, s. 15]. Роман, таким образом, «реализует» наиболее инфантильные желания человека и наиболее инфантильные приметы польскости. Неслучайно в начале и конце романа звучит имитация детского лепета: «Агу-агу, ля-ля-ля. Что еще я могу сказать» [Ibid., s. 9].

Главный прием, последовательно используемый Червиньским, — «переворачивание» национальных и исторических комплексов: «бывшие» благополучные в экономическом и социальном плане страны безудержно унижаются, а (Новая) Польша столь же безудержно превозносится.

Так, подчеркивается, что в Новой Польше была достигнута «подлинная демократия» [Ibid., s. 188], до которой не доросли Англия и Америка. Бывший «Запад» нищает, оказываясь у Новой Польши (а также Вануату) в долгах: Америка «стала вассалом Китая и неплатежеспособным должником Польши» [Ibid., s. 23], Новая Польша в счет долгов скупает американские и европейские

культурные ценности — Статую Свободы, Пизанскую башню и пр. Прошлое и настоящее этих стран для новых поляков несущественно: Америка когда-то «кажется, <...> была мощной державой» [Czerwiński, 2011, s. 23]; Великобритания — «отсталая страна на северо-западе Европы, о которой мы мало что знали» [Ibid., s. 48]; преподавателя географии увольняют, потому что он требовал от студента показать, где на карте находится Великобритания — «польские руководящие кадры не нуждаются в столь глубоком знании географии отдаленных и малозначимых регионов мира» [Ibid., s. 185–186].

Английский язык считается «тарабарским»: «...никто его не хотел учить, потому что на южных берегах Тихого океана для нужд торговли, культуры, а также всех прочих, использовался почти исключительно польский. На Кирибати даже новости передавали по-польски <...>, а администрация Бикини пошла еще дальше и провозгласила польский государственным языком» [Ibid., s. 57]. Английские города именуются «Бла-бла-бла-форд, или как там...» [Ibid., s. 58], «Бла-бла-бла-на-Темзе или типа того» [Ibid., s. 81], так как нормальный человек «не в состоянии их выговорить, точно так же, как их имена, фамилии...» — считается даже, что у англичан врожденный дефект речи.

Используются уничижительные номинации знаковых реалий: так, например, Статуя Свободы именуется исключительно «бабой с факелом и в простыне» [Ibid., s. 19], и заполучив ее, поляки устраивают внутри «крупнейший винный магазин» [Ibid., s. 20].

«Переворачивается» и реальный исторический факт — открытие рынка труда Великобритании для поляков в 2004 г.: «...рынок труда в Международной республике Новой Польше официально открыт для граждан Великобритании» [Ibid., s. 50]. Англичанам в Новой Польше уготовлена судьба героя автобиографического романа Червиньского «Ходум vitae» (2009). Точно так же, как ирландские работодатели даже не рассматривали престижный диплом поляка и его пятнадцатилетний опыт работы в международной компании, поляки удивляются: «Почему-то каждый второй англичанин имел кандидатскую степень <...>. Мы не понимали, зачем англичане с таким мазохистским упорством учатся. Ведь у них все равно не было никакого будущего. <...> половина была искусствоведами, этим удавалось довольно быстро найти работу в шахтах, прочие прежде занимались нейрохирургией, а потому теперь благополучно устраивались на ресепшн в трехзвездочные отели» [Ibid., s. 122]; «Джонатан был по образованию микробиологом, и в нашем вузе занимался ликвидацией микроорганизмов в уборной» [Ibid., s. 81]. Англичане за гроши делают в Новой Польше абсолютно все: «...мы были так богаты, что не имело никакого смысла браться за какую бы то ни было работу» [Ibid., s. 44].

Английские автомобили покупают только сами английские гастарбайтеры, англичане неумело подражают польским хитам, французские повара приезжают учиться у польских, а польская еда настолько изысканна, что «даже снобы не всегда знают, как ее есть» [Ibid., s. 125]. Американцы толпятся перед польским посольством в Вашингтоне, польские чиновники кидают монетку, решая, кому

выдать визу, а специальные агенты при помощи лазерных искателей вылавливают нелегальных беженцев.

При этом совершается скрытая и открытая травестация базовых национальных ценностей. Это и непосредственно рефлексии и реплики повествователя, уничижающие польскость: «У поляков имелась дырка от бублика, свекла, ну и, разумеется, независимость» [Czerwiński, 2011, s. 29]; «Поляки, если чего-то и добьются, <...> рано или поздно непременно сами все порушат. Народ-мазохист. Поляки сами себе подставят подножку, шлепнутся мордой в грязь и станут с богобоязненным патриотическим изумлением взирать на стаю грифов, которые, воспользовавшись моментом, тут же соберутся у них над головой. И постоянно ищут виноватого...» [Ibid., s. 223]; «Я — поляк, поляки всегда понимают такие вещи слишком поздно» [Ibid., s. 282]; «Порой мне кажется, что я только притворялся в Польше поляком. Все мы притворялись. <...> Только жлобам не приходилось притворяться, что они поляки. Они были ими до мозга костей за отсутствием головного. Думаю, что это они были настоящей Польшей» [Ibid., s. 206]; англичан приглашают делать «все то, чего не хотелось делать полякам» [Ibid., s. 46] под видом благородного жеста со стороны тех, «кто не раз получал по заднице в прошлые века», «во имя равенства и свободы» [Ibid., s. 48].

Используется и скрытое уничтожение при помощи ложного панегирика. В романе, написанном почти за десять лет до пандемии, английский работник расклеивает в туалетах плакаты с рекомендацией прикрывать рот при чихании. Поляки же «которые не стеснясь, чихали друг другу в лицо», «шокированы этой идиотской пропагандой, столь жестоко попирающей их личную свободу» [Ibid., s. 135], возмущены «дискриминацией поляков в публичном пространстве» [Ibid.]. «Подлинные поляки» начинают сознательно «чихать в лицо каждому, дабы воспрепятствовать этим отвратительным криптофашистским поползновениям» [Ibid.].

К самоуничижительным приемам относится и введение иронических топонимов. Названия городов Новой Польши — это почти сплошь названия глубоко провинциальных населенных пунктов реальной Польши, дополненные эпитетом «новый»: Новые Кельцы (столица), Новая Южная Бялка Татшаньская, Новое Поронино, Новый Вонхоцк, Новое Пясечно, Новый Пацанов, Новый Хамск, Новый Любартов и пр. Названия площадей и улиц иронически отсылают к традиционно мартирологическим: улица мучеников Лимерика вместо распространенных в Польше улиц мучеников Освенцима; площадь площадь Кэша (дословно «Подручной памяти») — аллюзия на всевозможные площади памяти тех или иных исторических событий и деятелей. Упоминается памятник Неизвестному Водопроводчику, а Национальная библиотека носит имя скандального польского политика Анджея Леппера.

Характерно также, что изобретает телепортер (что — вместе с любовной линией, в конечном счете разрушающей благоденствие героя и страны — имеет сюжетобразующие функции) англичанка. А поляки лишь пытаются его украсть, и именно их бесчестное поведение в итоге приводит к окончательному уничтожению Новой Польши.

Самоуничтожение совершается также через инверсию — отрицательные имагологические стереотипы и автостереотипы, относящиеся к полякам и Польше, обращены теперь на англичан: «По Европе ходила грубая шутка, что однажды из Англии уедут все англичане, и последний погасит свет» [Czerwiński, 2011, s. 49]; «...это, похоже, ленивый народ, и, видимо, у них там не принято поддерживать чистоту» [Ibid., s. 50]; в день зарплаты англичане пропивают все деньги — «каждый уважающий себя англичанин считал делом чести хорошенько напиться в пятницу после работы и демонстрировать огромную радость по этому поводу, мочась и блюя на мостовую» [Ibid., s. 86]; склонность «задирать нос перед другими народами — это их общегосударственная мания» [Ibid., s. 56].

Болезненный польский патриотизм, который в любой момент может обернуться шовинизмом, саркастически обличается через сюжетную линию, связанную с кризисом, приводящим к краху Новой Польши. Характерна говорящая фамилия политика, который инициирует волнения, — Бред. «Да здравствует Бред!» [Ibid., s. 245] — написано на плакате. Именно Бреду приходит в голову начать борьбу с «засильем» эмигрантов. «...мы сделали из них проблему номер один, проблему, которой не было, проблему столь абсурдную, что только поляк способен такую себе создать...» [Ibid., s. 176] — горько резюмирует повествователь. Эта сюжетная линия является, с одной стороны, частью иронической инверсии национальных комплексов, с другой — беспощадной аллюзией на болезненную проблему отношения в Польше к Чужому (польско-еврейское прошлое, отношение к эмигрантам в XXI в.). Английские эмигранты воплощают в антиутопическом «новом польском» пространстве Червиньского Чужого, на которого можно свалить все беды («...плохой курс беззаботно объясняли приближающимся сезоном дождей, а сезон дождей — чрезмерным поголовьем чужеземцев» [Ibid., s. 221–222]. «У них было все, кроме проблем <...>. Им некого было ненавидеть, и это стало самой большой их проблемой. Сколько можно такое выдержать?» [Ibid., s. 223] — саркастически вопрошает герой-повествователь.

При изображении «борьбы с англичанами» также используются иронически переосмысленные националистические клише с отсылками к польской и мировой истории: «Не допустим английского потопа! Сила в единстве!» [Ibid., s. 183]; «Польша для поляков» [Ibid.]; «Не позволим превратить себя в рабов в нашей собственной стране!» [Ibid.]; «...следует держаться за свою национальную идентичность и беречь ценности» [Ibid., s. 67]; английский хлеб для тостов официально «запрещен как преступление против истинной польскости» [Ibid., s. 314]; использование иностранного языка на рабочем месте объявляется «преступлением против польской нации» [Ibid., s. 244]; «Запрещено входить англичанам и собакам» [Ibid.]. Червиньский вводит множество трагикомических отсылок уже только к польской истории и при описании борьбы героя и его соратников с диктатурой Бреда (аллюзии на факты и мифы, связанные с польским Сопротивлением во время Второй мировой войны; на лозунги разного времени, включая ПНР; на действия Оранжевой альтернативы — антикоммунистического хэппенингового движения, дискурс которого был подчеркнута

альтернативным по отношению как к официальному, так и к оппозиционному, на польскую мартирологию в целом). Неслучайна рефлексия, касающаяся отношения к истории: туземцы, приплывшие на атолл, куда после всех перипетий попадает герой, утверждают, что история — это болезнь. «Они никогда не поймут, что в нашем мире она служила лекарством» [Czerwiński, 2011, s. 354], — горько замечает повествователь.

Изображенное Червиньским пространство наполнено абсурдными деталями мироустройства, абсурдными псевдонормами и псевдоценностями, свидетельствами абсурдного сознания, отсылающими также к современной цивилизации. Доводится до абсурда пресловутое нежелание современного человека читать длинные тексты: сначала книги вживляли в мозг, затем модными стали переписки длинных романов («максимум семь страниц» [Ibid., s. 32]), после них — компиляции («Возникли даже специальные миксеры для книг» [Ibid.]), затем книги стали выпускать только для нужд школьников, с готовыми списками экзаменационных вопросов, а «потом литература исчезла» [Ibid., s. 33]. Единственная бумажная книга в Новой Польше (поскольку бумага к этому времени стала уже «почти исключительно туалетной» [Ibid., s. 138]) — телефонная книга города Кельцы, хранящаяся в Национальной библиотеке. Вводятся воплощающие новые ценности иронические окказионализмы: «Практически никто уже не читал и уж точно не писал никаких книг, а само слово “литератор” изменило смысл и означало человека, способного выпить литр пиво-вина и устоять на одной ноге» [Ibid., s. 15].

Повествование ведется с позиции типичного представителя описываемого общества, которого определенные события заставляют стать нонконформистом и бунтовщиком. В этом смысле к роману применима концепция Б. А. Ланина о «вирусном» поведении антиутопических героев: «...антиутопический герой является вирусом в этом теле (которое представляет собой антиутопическое государство. — И. А.), активным инородным организмом. Более того, поначалу одиночка, он способен активно находить сторонников, множить их число. <...> Отсюда стремление государства уничтожить антиутопического героя, извести его наиболее наглядным и поучительным для других способом — ведь не вирус же он на самом деле, а всего лишь человек, возжелавший не государственного, а своего, “частного”, “персонального” счастья. Истребить этот вирус, заведшийся в государственном организме, и есть задача государства» [Ланин, 2014, с. 165]. Роман Червиньского, правда, не завершается гибелью героя, однако тот переживает потерю возлюбленной, окончательное крушение представлений о порядочности, а дальнейшие его перспективы туманны.

Используется характерный для антиутопии прием истории рукописи как сюжетной рамки. Сочинительство у Червиньского — хотя и не знак неблагонадежности персонажа, но «свидетельство его провоцирующей жанровой роли» [Ланин], деятельность хоть и не запретная, но выделяющая героя («...скорее всего, я последний польский писатель» [Czerwiński, 2011, s. 35]), возвышающая его над остальными персонажами: из уцелевших пяти «последних на свете

живых поляков» [Czerwiński, 2011, s. 12], только он один в состоянии описать для потомков историю своей родины — «последний учебник истории Польши» [Ibid.]. Рукопись не является «средством сотворения иной действительности, построенной по иным законам, нежели те, что правят в обществе, где живет пишущий эту рукопись герой» [Половцев, с. 12], но свидетельствует о стремлении осмыслить процесс и передать человечеству некое послание: «Я хочу вам рассказать о Польше, о моей стране, которая перестала существовать примерно два года назад. А также о событиях, которые к этому привели, и какое я к ним имел отношение» [Czerwiński, 2011, s. 12]. Мотив рукописи как доноса на антиутопическое общество, предупреждения человечеству, своего рода сигнала SOS (неслучайно герой собирает передать рукопись «по старинке», вложив в бутылку и бросив в океан) — также характерный элемент жанра антиутопии.

Роман Червиньского, таким образом, является попыткой иронически, с применением «деформирующего фильтра бреда» [Геллер, Нике], осмыслить издержки польского этоса. В этом смысле хотя к «Международу» применимы выводы о приоритете в антиутопиях общечеловеческого над национальным [Шишкина, с. 201], но в первую очередь произведение отсылает к специфике польской ментальности и лишь во вторую является предостережением для любой националистической «акцентуации» (по аналогии с акцентуацией личности) общества.

«Международ» — трагикомическая (анти)утопия-памфлет, роман-предупреждение. По словам Л. М. Геллера, время антиутопии — это продолжение реализованной когда-то в прошлом утопии и расплата за нее [Геллер, с. 130–131]. Именно так строит повествование Червиньский: (псевдо)утопизм предстает «постоянным и неизбывным соблазном человеческой мысли, ее отрицательным полюсом, заряженным величайшей, хотя и ядовитой энергией» [Флоровский, с. 83]. Национальные комплексы предстают у Червиньского в максимально заостренной гротескной форме антиутопического повествования. Неслучайно в этом смысле посвящение романа — аллюзия на Сенкевича: вместо *ku pokrzepieniu serc* («к укреплению сердец») — *ku popieprzeniu* («к зае...нию сердец»).

Антиутопия — и способ «прожить» страх, и форма социальной диагностики, и инструмент социального алармизма. Именно поэтому «материалом для построения литературой последовательно плохого мира становятся господствующие формы мира ныне здравствующего. Черты исторической и современной культурной действительности авторы антиутопии доводят до крайности, до абсурда. Но антиутопия всегда прежде всего — зоркое видение ситуации и критика во имя будущего развития» [Кисель]. Сохраняя форму дистопического предупреждения и обращенность к будущему, в действительности антиутопические тексты нацелены на (инверсированную) реальность, сегодняшний день. Роман Червиньского еще раз подтверждает предположение Б. А. Ланина о том, что «мы лишь наблюдаем работу внутренних механизмов внутри самого жанра <...>. Сформировавшись в романах Евгения Замятина “Мы” и в “1984”

Джорджа Оруэлла, эти жанровые механизмы наполняются время от времени актуальным политическим содержанием, выраженным в метафорической, символической, образной форме» [Ланин, 2014, с. 164]. Но свидетельствует всё это и о жизнеспособности жанра [Шестаков, 2012] — именно в силу названных выше функций.

Следует отметить также языковой аспект алармизма польского романа. Тексты поколения «пост-ПНР» воплощают реакцию одновременно на неудовлетворенность внелитературной реальностью и на неадекватность этому опыту имеющегося у общества языка. Это фрагментарная и агрессивная смесь дискурсов, построенных на обидах, национальных комплексах, стереотипах, обрывках разных идеологий и массовой культуры — язык всевозможных «анти»: антиглобализма, антикапитализма, антиклерикализма, антикоммунизма, антисемитизма, антирусских стереотипов [Chutnik, s. 29, 60, 79, 94, 50, 68; Masłowska, s. 34–35, 40, 48, 50; Sieniewicz, 2005, s. 196; 2003, s. 233; и др.].

Комическое в этой прозе — «насмешливое, высмеивающее, но не веселое», оно «отрицает, но не утверждает, хоронит, но не возрождает», «подчеркивает ненормальность, но не устраняет ее» [Масленкова, с. 151], демонстрируя отсутствие надежды на освобождение от корсета уродливого дискурса польской современности. Язык должен быть очищен — так можно прочесть один из меседжей романа: в финале «Международа» звучат те же слова, которые его открывают — младенческое «агу-агу». Их произносит туземец на атолле, и они могут значить что угодно.

Тем не менее средства комического в текстах молодых авторов, направленные на табуированные объекты национального дискурса (приближающиеся к своего рода национальному богохульству: учитывая традиции польской романтической парадигмы, подвергаемые осмеянию ее элементы можно считать сильным табу [Жельвис, 2015, с. 92]), погружают авторов в особую инвективную атмосферу [Жельвис, 1995, с. 30]: табу взламывается, а психологический аспект этого механизма заключается в желании говорящего достичь сразу двух противоположных целей — избежать соприкосновения с табуированными понятиями и одновременно с ними соприкоснуться. Таким образом, достигается своего рода катартический выход эмоций. Травма, имеющая когнитивный генезис, необязательно влечет за собой рефлексии и проработку. Л. Фестингер отмечал, что когнитивный диссонанс, в том числе коллективный, переживается первоначально на неотрефлексированном уровне. Здесь мы имеем дело с травмой отрефлексированной, но продолжающейся. Перефразируя И. Кукулина, можно сказать, что это не взрыв, а цепь всхлипов [Кукулин], не одномоментное крушение, а растянутое на десятилетия страдание, связанное с бытованием национального этоса. Страдание, вызванное паразитированием на романтических мифах и превращением идей и духовных символов в инструменты непосредственного насилия. Порождение и переживание в текстах комического сознания становится своего рода перманентным (лишь частично) освобождающим опытом.

Источники

- Bieńkowski D.* Biało-czerwony : powieść. Warszawa : W.A.B., 2007.
Chutnik S. Dwidzia : powieść. Warszawa : Świat Książki, 2009.
Czerwiński P. Pokalanie : powieść. Warszawa : Świat Książki, 2005.
Czerwiński P. Międzynaród : powieść. Warszawa : Świat Książki, 2011.
Karpowicz I. Niehalo : powieść. Wołowiec: Wyd. Czarne, 2006.
Karpowicz I. Gesty : powieść. Kraków: Wyd. Literackie, 2008.
Mastowska D. Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną : powieść. Warszawa : Lampa i Iskra Boża, 2003.
Shuty S. Zwał : powieść. Warszawa : W.A.B., 2004.
Sieniewicz M. Czwarte niebo : powieść. Warszawa : W.A.B., 2003.
Sieniewicz M. Żydówek nie obsługujemy : opowiadania. Warszawa : W.A.B., 2005.

Исследования

- Адельгейм И. Е.* Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М. : Индрик, 2018. <https://doi.org/10.31168/91674-501-6>
- Геллер Л. М.* Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. Лондон : ОРІ, 1985.
- Геллер Л., Нике М.* Утопия в России. СПб. : Гиперион, 2003.
- Жельвис В. И.* Некоторые эмоциогенные особенности инвективного общения // Язык и эмоции : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шаховского. Волгоград : Перемена, 1995. С. 14–24.
- Жельвис В. И.* Богохульство как речевой жанр // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 90–95.
- Кисель А.* Память человечества // Октябрь. 2009. № 9. С. 166–172.
- Клименко Т. Н.* Типы и текстообразующие функции иронических контекстов (на материале романов-антиутопий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.24. СПб., 2008.
- Комовская Е. В.* От утопии к антиутопии и постантиутопии (жанровая специфика романа Т. Толстой «Кысь») // Концепт. 2014. № 7. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14184.htm> (дата обращения: 10.06.2023).
- Кукулин И.* Уточнение понятий // Новое литературное обозрение. 2015. № 132. С. 304–314.
- Ланин Б. А.* Антиутопия в литературе русского зарубежья. URL: <https://lektsii.org/14-65436.html> (дата обращения: 25.01.2023).
- Ланин Б. А.* Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социально-культурном контексте // Проблемы современного образования. 2014. № 1. С. 161–169. URL: http://www.rmediu.ru/res/2014_1_15.pdf (дата обращения: 10.06.2023).
- Масленкова Н. А.* «Черный юмор» в контексте иронии и пародии // Ирония и пародия : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. С. А. Голубкова, М. А. Перепелкина, В. П. Скобелева. Самара : Самарский ун-т, 2004. С. 147–151.
- Морсон Г.* Границы жанра // Утопия и утопическое мышление : антология зарубежной литературы / сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 233–251.
- Половцев Д. О.* Личность и общество в романе Евгения Замятина «Мы» // Витебск : Б-ка журн. «Социальное воспитание», 2014.
- Смирнов С. Н.* Лингвистические интервенции в гуманитарной психотерапии: градации и оксюмороны // Экзистенциальная и гуманистическая психология : [сайт]. URL: <http://hpsy.ru/public/x3972.htm> (дата обращения: 13.01.2023).
- Флоровский Г. В.* Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 80–93.

Шацкий Е. Утопии и традиция / пер. с польск. К. В. Душенко, М. И. Леньшина. М. : Прогресс, 1990.

Шестаков В. Эволюция русской литературной утопии // Вечер в 2217. Русская литературная утопия / сост. В. П. Шестаков. М. : Прогресс, 1990. С. 5–21.

Шестаков В. П. Русская утопия в контексте английской утопической традиции // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 4 (9). С. 35–55.

Шишкина С. Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник гуманитарного университета ИГХТУ. 2007. Вып. 2. С. 199–208.

Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М. : ИМЛИ им. А. М. Горького, 2005.

Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / сост., общ. ред. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 317–346.

Янион М. Сумерки парадигмы : фрагмент / пер. Ирины Адельгейм // Звезда. 2018. № 11. С. 242–252.

Bielik-Robson A. Straceni inaczej: dziwni trzydziestoletni i ich kłopoty z samookreśleniem // Wojna pokoleń / red. P. Nowak. Warszawa : Prószyński i S-ka, 2006. S. 45–73.

Bylejakie spory. Rozmowa Janiny Paradowskiej z prof. Bronisławem Jagowskim o polskim kulcie patriotyzmu, ostatniej prezydenturze, dobrych i złych mitach i skrzeczącej nadrzeczywistości // Polityka. 2010. № 20. S. 21.

Czerwiński P. Szacunek dla wszelkiego rebelianctwa jest u mnie rodzinny // Rok w rozmowie. Pisarze krytycznym okiem. Wywiady Jarosława Czechowicza. Poznań : Simple Publishing, 2014. S. 42–48.

Gosk H. „Wychować się w momencie historycznego przełomu to żadna przyjemność...” O postzależnościowych aspektach rzeczywistości przedstawionej w polskiej prozie ostatnich lat // Nowe dwudziestolecie (1989–2009). Rozpoznania. Hierarchie. Perspektywy / red. H. Gosk. Warszawa : ELIPSA, 2010. S. 93–113.

Nie będzie nowej „Ziemi obiecanej”. Wywiad z Mariuszem Sieniewiczem // Gazeta Olsztyńska. 31.03.2017. URL: <http://www.wm.pl/index.php?ct=kultura&id=721980> (date of access: 15.01.2023).

Pasterska J. „Jestem Bombel na przystanku”. O projektowaniu autora w młodej prozie na przykładzie „Bombla” Mirosława Nahacza // Inna literatura? Dwudziestolecie 1989–2009 / red. Z. Andres, J. Pasterski. T. I. Rzeszów : Wyd. Uniw. Rzeszowskiego, 2010. S. 382–397.

Rozum w Polsce wysiada. Rozmowa z J. Tokarską-Bakir // Onet wiadomości. 21.09.2014. URL: https://wiadomosci.onet.pl/kiosk/rozum-w-polsce-wysiada/q9s9y?utm_source=yandex.ru_viasg_wiadomosci&utm_medium=referal&utm_campaign=leo_automatic&src=undefined&utm_v=2 (date of access: 01.02.2023).

References

Adelgeim I. Ye. (2018). *Psichologija poetiki: Autopsikhoterapevticheskie funkcii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2010-kh gg.)* [Psychology of Poetics: Autopsychotherapeutic Functions of Artistic Text (with Reference to the Polish Prose of the 1990s–2010s)]. Moscow: Indrik. <https://doi.org/10.31168/91674-501-6>

Bielik-Robson, A. (2006). Straceni inaczej: dziwni trzydziestoletni i ich kłopoty z samookreśleniem. In P. Nowak (Ed.), *Wojna pokoleń* (pp. 45–73). Warszawa: Prószyński i S-ka.

Bylejakie spory. Rozmowa Janiny Paradowskiej z prof. Bronisławem Jagowskim o polskim kulcie patriotyzmu, ostatniej prezydenturze, dobrych i złych mitach i skrzeczącej nadrzeczywistości (2010). *Polityka*, 20, 21.

Czerwiński, P. (2014). Szacunek dla wszelkiego rebelianctwa jest u mnie rodzinny. In J. Czechowicz (Ed.), *Rok w rozmowie. Pisarze krytycznym okiem. Wywiady Jarosława Czechowicza* (pp. 42–48). Poznań: Simple Publishing.

Florovsky, G. V. (1990). Metafizicheskie predposylki utopizma [The Metaphysical Preconditions of Utopianism]. *Voprosy filosofii*, 10, 80–93.

Geller, L. M. (1985). *Vselennaia za predelami dogmy. Razmyshleniia o sovetskoj fantastike* [Universe Beyond Dogma. Reflections on Soviet Fiction]. London: OPI.

Geller, L., & Nike, M. (2003). *Utopiia v Rossii* [Utopia in Russia]. St Petersburg: Giperion.

Gosk, H. (2010). „Wychować się w momencie historycznego przełomu to żadna przyjemność...” O postzależnościowych aspektach rzeczywistości przedstawionej w polskiej prozie ostatnich lat. In H. Gosk (Ed.), *Nowe dwudziestolecie (1989–2009). Rozpoznania. Hierarchie. Perspektywy* (pp. 93–113). Warszawa: ELIPSA.

Jang, M. (1991). Vozvyslenie meritokratii [The Rise of Meritocracy]. In V. A. Chalikova (Ed.), *Utopiia i utopicheskoe myshlenie: antologiiia zarubezhnoi literatury* [Utopia and Utopian Thinking: An Anthology of Foreign Literature] (pp. 317–346). Moscow: Progress.

Janion, M. (2018). Sumerki paradigmy: Fragment [The Twilight of the Paradigm: Fragment]. *Zvezda*, 11, 242–252.

Kisel, A. (2009). Pamiat' chelovechestva [The Memory of Humanity]. *Oktyabr'*, 9, 166–172.

Klimenko, T. N. (2008). *Tipy i tekstoobrazuiushchie funktsii ironicheskikh kontekstov (na materiale romanov-antiutopij)* [Types and Text-Forming Functions of Ironic Contexts (with Reference to Dystopian Novels)] (doctoral dissertation abstract). St Petersburg.

Komovskaya, E. V. (2014). Ot utopii k antiutopii i postantiutopii (zhanrovaia spetsifika romana T. Tolstoi “Kys”) [From Utopia to Dystopia and Post-Dystopia (the Genre Specificity of Tolstaya’s Novel *Kys*)] *Koncept*, 7. Retrieved from <http://e-koncept.ru/2014/14184.htm>

Kukulin, I. (2015). Utochnenie poniatii [Clarification of Concepts]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 132, 304–314.

Lanin, B. A. (2014). Russkaia utopiia, antiutopiia i fantastika v novom sotsial'no-kul'turnom kontekste [Russian Utopia, Dystopia, and Fiction in a New Socio-Cultural Context]. *Problemy sovremennogo obrazovaniia*, 1, 164–169. Retrieved from http://www.pmedu.ru/res/2014_1_15.pdf

Lanin, B. A. *Antiutopiia v literature russkogo zarubezh'ia* [Dystopia in the Literature of the Russian Abroad]. Retrieved from <https://leksii.org/14-65436.html>

Maslenkova, N. A. (2004). “Chernyi iumor” v kontekste ironii i parodii [“Black Humor” in the Context of Irony and Parody]. In S. A. Golubkova, M. A. Perepelkina, & V. P. Skobeleva (Eds.), *Ironiia i parodiia* [Irony and Parody] (pp. 147–151). Samara: Samara University.

Morson, G. (1991). Granitsy zhanra [Genre Boundaries]. In V. A. Chalikova (Ed.), *Utopiia i utopicheskoe myshlenie: antologiiia zarubezhnoi literatury* [Utopia and Utopian Thinking: An Anthology of Foreign Literature] (pp. 233–251). Moscow: Progress.

Nie będzie nowej „Ziemi obiecanej”. Wywiad z Mariuszem Sieniewiczem (2017, March 31). *Gazeta Olsztyńska*. Retrieved from <http://www.wm.pl/index.php?ct=kultura&id=721980>

Pasterska, J. (2010). „Jestem Bombel na przystanku”. O projektowaniu autora w młodej prozie na przykładzie „Bombła” Mirosława Nahacza. In Z. Andres, & J. Pasterski (Eds.), *Inna literatura? Dwudziestolecie 1989–2009* (pp. 382–397). Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.

Polovtsev, D. O. (2014). *Lichnost' i obshchestvo v romane Evgeniia Zamiatina “My”* [Personality and Society in Yevgeny Zamyatin’s Novel *We*]. Vitebsk: Biblioteka zhurnala “Sotsial'noe vospitanie”.

Rozum w Polsce wysiada. Rozmowa z J. Tokarską-Bakir (2014, September 21). *Onet wiadomości*. Retrieved from <https://wiadomosci.onet.pl/kiosk/rozum-w-polsce-wysiada/>

q9s9y?utm_source=yandex.ru_viasg_wiadomosci&utm_medium=referral&utm_campaign=le
o_automatic&srcc=undefined&utm_v=2

Shatsky, E. (1990). *Utopii i traditsiia* [Utopias and Tradition]. Moscow: Progress.

Shestakov, V. (1990). Evoliutsiia russkoi literaturnoi utopii [Evolution of Russian Literary Utopia]. In V. P. Shestakov (Ed.), *Vecher v 2217. Russkaia literaturnaia utopiia* [Evening in 2217. Russian Literary Utopia] (pp. 5–21). Moscow: Progress.

Shestakov, V. P. (2012). Russkaia utopiia v kontekste angliiskoi utopicheskoi traditsii [Russian Utopia in the Context of the English Utopian Tradition]. *International Journal of Cultural Research*, 4 (9), 35–55.

Shishkina, S. G. (2007). Literaturnaia antiutopiia: k voprosu o granitsakh zhanra [Literary Dystopia: On the Question about the Boundaries of the Genre]. *Vestnik gumanitarnogo universiteta IGKhTU*, 2, 199–208.

Smirnov, S. N. Lingvisticheskie interventsii v gumanitarnoi psikhoterapii: gradatsii i oksimorony [Linguistic Interventions in Humanitarian Psychotherapy: Gradations and Oxymorons]. *Ekzistentsial'naia i gumanisticheskaia psikhologiya* [Existential and Humanistic Psychology]. Retrieved from <http://hpsy.ru/public/x3972.htm>

Yur'eva, L. M. (2005). *Russkaia antiutopiia v kontekste mirovoi literatury* [Russian Dystopia in the Context of World Literature]. Moscow: A. M. Gorky Institute of Literature.

Zhelvis V. I. (1995). Nekotorye emotsiogennye osobennosti invektivnogo obshcheniia [Some Emotional Peculiarities of Invective Communication]. In V. I. Shakovsky (Ed.), *Iazyk i emotsii* [Language and Emotion] (pp. 14–24). Volgograd: Peremena.

Zhelvis, V. I. (2015). Bogokhul'stvo kak rechevoi zhanr [Blasphemy as a Speech Genre]. *Zhanny rechi*, 2, 90–95.

Адельгейм Ирина Евгеньевна

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32-А
E-mail: adelgejm@yandex.ru

Adelgeim, Irina Yevgenyevna

Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
32-A, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: adelgejm@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5208-0848>